

- лексики с общелитературной (на материале современного русского языка). Автореф. канд. дисс. М.: 1966. с.7.
5. Кондрашов В.В. О характере и системности единиц военной номенклатуры в странах английского языка // Актуальные вопросы лексикологии. Новосибирск: 1971. с. 68.
6. Лейчик В.М. Номенклатура – промежуточное звено между терминами и собственными именами // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж: Изд-во Воронежского Ун-та, 1974. с. 13 – 24.
7. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология. М.: Наука 1959. с.3 – 6.
8. Суперанская А.В. Терминология и номенклатура // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Сборник. Ленинград: Изд-во «Наука», 1976. с. 76 - 80.

E. Ryabova

NOMENCLATURE AND TERM

Abstract: The article deals with nomenclature and terms. The author represents different definitions of nomenclature. The important role is attached to the study of nomenclature characteristics and its attitude towards terms.

Key words: term, nomenclature, the plan of content, the plan of expression.

УДК 811.131.2 (72)

Яковлева С.А.

ИЗ ИСТОРИИ МЕКСИКАНСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ЛОПЕ БЛАНЧ И ПРОЕКТ «КООРДИНИРОВАННОГО ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИСПАНСКОЙ НОРМЫ»*

Аннотация: Историография испанской, в частности мексиканской, лингвистики – тема, практически неразработанная в российской испанистике. В настоящей статье рассматривается научная деятельность одного из самых видных лингвистов Мексики XX века – М.Х. Лопе Бланча; приводится анализ отдельных его работ, а также детально описывается один из его научных проектов – Проект координированного изучения культурной испанской нормы.

Ключевые слова: историография мексиканской лингвистики, научная деятельность, М.Х. Лопе Бланч, Проект координированного изучения культурной испанской нормы

Доктор Хуан Мигель Лопе Бланч (Мадрид, 1927 – Мехико, 2002) – выдающийся исследователь-испанист и педагог, основатель современной мексиканской лингвистики – родился в Мадриде, где получил высшее образование, а затем докторскую степень по специальности романская филология в Центральном университете Мадрида. В 1951 году в качестве стипендиата Высшего Совета научных исследований Испании (Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Espasa) и Испано-мексиканского института Мехико (Instituto Hispano Mexicano, México, D.F.)

Лопе приехал в Мексику, чтобы поближе познакомиться с работой *Нового журнала испанской филологии* (*Nueva Revista de Filología Hispánica*), издание которого недавно началось в Колехи де Мехико. Ему было 24 года.

Надо отметить, что в начале 50-х годов мексиканская лингвистика переживала трудный период, особенно в области испанистики: диалектные описания, например, которые по определению находятся в центре интересов всякого лингвиста, просто не существовали, и, конечно, никто не думал развивать какие-либо теории о языке, ни в какой-либо отдельной его области; кроме того, не было настоящих профессиональных лингвистов.

Молодой исследователь Лопе Бланч сталкивается, таким образом, с дилеммой: вернуться на родину к своему учителю Рафаэлю Лапеса или остаться в Мексике, чтобы самостоятельно закончить свое образование и одновременно заняться созданием системы профессиональной подготовки лингвистов и исследованием мексиканской реальности испанского языка. Для него – творческого, инициативного новатора – упустить такой шанс не представляется возможным. Лопе остается навсегда в стране, которая становится его второй родиной и руководит, десятилетие за десятилетием, формированием мексиканской лингвистической школы.

* © Яковлева С.А.

Совокупность работ Лопе Бланча – более 400 – важна и обязательна для познания испанского языка Мексики. Его монографии и статьи позволяют сказать, что Лопе был не просто неустанным, настойчивым и блестящим исследователем, он стал целой эпохой в мексиканской испанистике. Его научное наследие, используемое по обе стороны Атлантического океана, не имеет аналогов и не нуждается в доказательствах.

Работы Лопе затрагивают проблемы испанистики, диалектных вариаций, литературного дискурса как богатого и глубокого источника грамматической информации, проявления языка в фонетике и семантике, поиск ответов на вопросы синхронной лингвистики в диахронии, поэтому можно сказать, что его научно-исследовательская деятельность была сконцентрирована на трех направлениях: испанский язык Мексики, Средние века и Возрождение и теория лингвистики.

Испанский язык Мексики

Работа по этому направлению сосредоточивалась на:

- фразеологии и лексике, использованных впоследствии, в частности, в книге о мексиканских устойчивых выражениях относительно концепта «смерть» и эвфимизмах [Lope Blanch, 1963:185], с которой началась работа по мексиканским индехинизмам,

- синтаксисе мексиканского варианта – теме нескольких монографий, среди которых выделяется его работа об использовании *preterito* [Lope Blanch, 1961: 373-385];

- а также на исследованиях фонетики, в результате одного из которых, например, Лопе поставил последнюю и окончательную точку в таком запутанном вопросе как «выпадающие» гласные в испанском языке Мексики [11:1-19].

Мексиканский вариант испанского языка интриговал, привлекал, вызывал острый научный интерес у Лопе. Мексиканские слова нравились ему, сопровождали его в нескончаемом поиске истоков этой разновидности испанского языка, его связей с другими языками, с которыми он вступал в контакты на протяжении истории, поэтому такие слова, как *los moyotes*, *los mosquitos* у *los escarabajos* или *el cogote* и *el tocao* так часто встречаются на страницах его лингвистических работ. Превосходное и глубокое исследование темы, связанной с мексиканскими выражениями, показывает нам экспрессивные новации испанского языка Мексики, такие как, например *sacrificar*, *carnear*, *matancear*, *apretar el cogote*, *apiolar*, *escabechar*; по отношению к другим разновидностям языка в Америке и Испании.

Лопе нравилось исследовать «-ismos»: индихенизмы, англицизмы, экстранжеризмы, регионализмы, антильянизмы, канаризмы, науатлизмы, американизмы. Одна из крупнейших работ Лопе совместно с группой исследователей Колехио де Мехико в шестидесятых годах – *Léxico indígena en el espacol de México* – посвящена созданию основ для изучения действительного присутствия индейских языков в испанском Мексике, в частности индейской лексики, которое сильно преувеличивалось некоторыми словарями. Результатом исследования стало признание действительными 313 слов или лексических статей, которые в свою очередь представляли только 238 лексем или индейских корней, в то время как словарь Робело регистрировал не менее 1500 слов, пришедших из языка науатль.

В этой же работе Лопе, с одной стороны, описывает влияние индейской лексики на другие аспекты языка и возможные последствия в фонологии и грамматике, а с другой, оценивает уровни живучести индейских слов, вошедших в испанскую лексику Мексики. По этому последнему аспекту Лопе подразделяет признанный вокабуляр на шесть групп в зависимости от уровня общего знания, который они достигают. Критерии: принадлежность к одному какому-либо социокультурному слою или широкое распространение по всем слоям, географическое распространение, соперничает или нет с одним или несколькими синонимами, будь-то испанский или другой индейский язык, что позволяет прогнозировать возможности их употребления в будущем, семантическая и морфологическая продуктивность.

В заключении этой работы Лопе пишет [1969:48-49]:

Почти весь корпус слов, которые отличаются своей способностью создавать производные или обладать различными значениями, или являющиеся единственными используемыми для обозначения соответствующего концепта, или характеризующиеся обширной географической распространенностью их использования - это те слова, которые регистрировались с наибольшей частотностью в наших опросах; они принадлежат к такому классу слов, который – в качестве пассивного словаря – остался включенным в группы общего или почти общего знания.

Таким образом Лопе считает, что высшим критерием определения уровня жизнедеятельности лексического элемента является факт образования производных в отличие от терминов, которые не имеют производных. Он признает индихенизмом как свободный элемент, иногда с возможными фонологическими или морфологи-

ческими адаптациями к испанскому, так и производное слово от индейского заимствования посредством деривативных или флексивных морфем испанского языка, и не различает случаи, когда в язык пришел свободный элемент, от которого впоследствии появились производные, где индехинизм проявляется только как основа для деривации.

Лопе написал множество статей по американизмам, мексиканизмам, индехинизмам, наутализмам, испанизмам, игре слов, этимологиям, употреблению и значениям некоторых терминов, в некоторых он касается темы деривативной морфологии, но уже в связи с возможным индейским влиянием через индейские деривативные морфемы, которые были заимствованы испанским языком Мексики. Невозможно перечислить все его работы, в которых он описал и защищал свои специфические точки зрения по разным вопросам, как например, влияние субстрата или полиформизм.

Что касается отношений между диалектологией и социолингвистикой, Лопе, не отрицая важности последней, всегда подчинял социолингвистику диалектологии. Считал, что социолингвистика родилась благодаря предварительному существованию диалектологии, и что идеи представителей североамериканской школы являются лишь неким надуманным продолжением того, что много четче и точнее было сказано грамматиками испанского Золотого века. Писал [1974:1-34], что «Лабов только повторяет то, что Корреос и ... Вильалон уже сказали в свое время своеобразным и более четким образом». Не скрывал своих расхождений с интуитивными впечатлениями или ошибочными заключениями некоторых авторов в отношении фактов лингвистической реальности Мексики и ее конкретного проявления в речи. Несмотря на уважение, которое он испытывал к Энрикес Уренья, Лопе никогда не был согласен с его предложением (по словам Лопе, несколько наивным и поспешным) диалектного раздела Мексики или с Мануэлем Альваром в отношении его заметок о речи Юкатана, считая их поверхностными.

Иногда трудно понять страсть Лопе к испанизму в ущерб индехинизму. В отношении вековой полемики о мексиканской индехинистской политике – «чему учить: индейским языкам или испанскому» - он никогда не сомневался высказываться в пользу прямой испанизации, не давая возможности убедить себя в пользу преподавания родного языка мексиканцам индейского происхождения даже на начальном этапе.

Еще один значительный научный вклад,

сделанный Лопе, - это изучение просторечного языка, т.е., устных форм выражения неграмотных или полуграмотных людей, которые принадлежат к низкому социолекту. Работы Лопе по изучению просторечья дали возможность сравнивать его с культурным языком, что важно для преподавания испанского как родного языка.

Исследования в области диахронии

Лопе Бланч говорил, что «объяснение современной действительности должно искать в прошлом» [1985:113]. Берсео, Херонимо де Техера и Диего де Ордас послужили ему материалом для диахронических исследований состояний языка, видов морфологических связей и лексики культурных миров, далеких от форм и узуса современного испанского. Его исследование о выражении времени у Берсео - это обязательная и неизбежная ссылка в библиографии по Берсео, а исследование временного инфинитива в эпоху Средних веков является руководством для новых анализов.

El habla de Diego Ordaz, Contribuciyn al estudio del espacol americano - эта работа Лопе стала первым вкладом в исследование разных уровней мексиканского испанского языка XVI века. Она помогает понять, как происхождение Диего де Ордаса, «уроженца крестьянских земель», и его последующая жизнь в качестве конквистадора американских территорий начиная с 1502 года, остались отраженными в языке его писем: леонский язык на рубеже средневековья и Возрождения, коррумпированный влиянием Нового Света. Отсюда важность проанализированных в книге аспектов, поскольку они отражают испанский язык, в котором переплетаются леонско-кастильские элементы с зарождающимися характеристиками испанского языка Мексики.

Теоретические работы

Что касается теоретических исследований, то Лопе, например, беспокоила адекватная дефиниция таких элементов, как «предложение» и «междометие» [1956: 47-60; 1962: 19-25]. Лопе предложил свое собственное определение «предложения», которое сводится к простой формуле отношений в синтагме или двучленном выражении *подлежащее – сказуемое* с выраженным предикативным характером. Кроме того, он предложил спорную, но продуктивную классификацию предложений на простые распространенные, сложносочиненные и сложноподчиненные.

Лопе Бланч активно выступал в защиту собственных определений *предложения* и *клаузулы* в противопоставлении определениям североамериканской школы, с его точки зрения ошибочным и неясно-расплывчатым, которые только

искажали канонический грамматический анализ. Он доказывал полезность своей позиции по «клаузуле» и ратовал против исчезновения этого понятия из испанской грамматики [1979:1-29]:

...понятие и само название клаузулы найдется, похоже, на рубеже исчезновения в испанской грамматической школе. Если оно произойдет, это будет действительно достойная сожаления и неоправданная потеря.

Лопе никогда не смог примириться с трансформационной грамматикой американского происхождения. Считал, что система генеративных древ для представления грамматических отношений, далекая от того, чтобы быть адекватной, является абсурдной, поскольку так называемые генеративные древа ими не являются, а представляют собой скорее «метелки», которые скрывают сущность синтаксических отношений.

Любимыми авторами, которых он постоянно цитировал, были Небриха, Вильялон, Санчес де Лас Бросас, Корреас, Коваррубас, Андрес Бельо. Среди ученых не испанского происхождения ценил Карла Бюлера, идеи которого использовал при формулировании своего определения предложения. Критиковал Гили Гайа, Секо и Аларкос за их определения клаузулы и за анализ предложных структур, особенно тех, что имеют сложный синтаксический состав по причине своей близости к семантике: как определить размытую границу между причинностью и целью или как установить границы между *индикативом* (изъявительным наклонением) и *субхонтивом* (сослагательным наклонением)? Исследования клаузулы и структуры дискурса на материале литературных или народных рассказов и сказаний в синхронии показывают нам Лопе как филолога, который никогда не разделял литературу и язык.

Интересны некоторые наблюдения Лопе над словообразовательными процессами в испанском языке Мексики. В статье «О происхождении суффикса *-eso* как определителя дефектов» [1971: 305-312] он отрицает происхождение этого уничижительного суффикса из языка науатль, поскольку считает, что этот элемент широко документирован на Пиренейском полуострове, хотя и с другим происхождением и значениями. Соглашается, однако, с тем, что омофонный суффикс *-eso* для обозначения этнической и географической принадлежности является частью деривативной морфологии испанского языка Мексики, т.е. с тем статусом этого суффикса, который ранее был признан Вагнером и Куэрво.

Среди его более поздних работ выделяются *El español en América* (1968), теоретические работы *El concepto de oración en la lingüística española*

(1979), *Análisis gramatical del discurso* (1983), а также исследования, посвященные дискурсу в Мексике, рассматриваемому в его разнообразии и конкретике.

Работа доктора Лопе Бланча, в синтезе, это чисто филологические исследования, которыми он занимался со всей научностью, присущей лингвистике, однако описание его лингвистической деятельности не может быть полным без упоминания двух самых важных исследовательских проектов его жизни: Проекте лингвистического атласа Мексики и Проекте культурной испанской нормы, которому в 2003 году после смерти Хуана М. Лопе Бланча было присвоено его имя. В данной статье, принимая во внимание ограничения по объему публикации, речь пойдет только о втором проекте.

Лопе Бланч и Проект культурной испанской нормы

Начав работать в Мексике в 50-х годах XX века, Лопе Бланч очень быстро понял важность, которую имеют огромные современные города в лингвистическом смысле. В отличие от колониальной эпохи, когда различия в языке проявлялись в группах, проживающих в немногочисленных метрополиях (Мехико, Лима и особенно Мадрид), идеолекты современного испанского формируют многочисленные диалектные варианты, центром зарождения, развития и распространения которых являются большие города. Сложнейшая диалектная карта современного испанского языка является, таким образом, мозаикой, составленной из многочисленных разновидностей, на которые оказывает значительное влияние язык / речь, кстати, очень сложная, больших городов.

Поэтому не случайно, что в 1964 году - памятная дата в аналах испаноамериканской лингвистики - Хуан Мануэль Лопе Бланч, профессор Национального автономного университета Мексики представляет Комиссии Иberoамериканской лингвистики и диалектологии Второго симпозиума Межамериканской программы по лингвистике и преподаванию языков (PILEI) в Блумингтоне первый план координированной работы основных филологических центров испаноговорящей Америки, названный им «Проектом изучения культурной речи основных городов испанской Америки».

Предложение изначально вызвало интерес среди испанистов, присутствовавших на симпозиуме и было поддержано PILEI. Высший Совет Научных исследований (CSIC) Мадрида принял решение об участии в проекте в 1965 году, а на

третьем симпозиуме PILEI, прошедшем в Монтевидео в 1966 году, было принято решение о разработке проекта в целом. В Монтевидео была создана исполнительная подкомиссия Проекта, которая в период с 1966 по 1968 гг. (Мадрид, 1966; Богота, 1967; Мехико, 1968) определила цели и задачи проекта, а также разработала *Опросник*, который должен был служить общим руководством при проведении работ. Пробная редакция *Опросника* была разработана Центром испанской лингвистики Института филологических исследований Мексики и Колехио де Мехико; вторая редакция была дополнена и опубликована в трех томах Высшим советом по научным исследованиям Мадрида в 1971 – 1973, она включала разделы по фонетике, морфосинтаксису и лексике и состояла из 4452 вопросов, подразделенных на 21 лексическое поле. Кроме того, была создана единая методика применения *Опросника*: сбор данных должен был осуществляться в основном посредством записывания устной речи на магнитофонную пленку с дополнением, в нужных случаях, лингвистических материалов, записанных со слуха.

На начальном этапе свою заинтересованность участвовать в Проекте высказали такие города и научные институты, как Богота (Институт Каро и Куэрво), Буэнос – Айрес (Институт Торкуато ди Телиа del CICE и Аргентинская Академия литературы), Каракас (Институт филологии им. Андреса Бельо Университета г. Каракас), Гавана (Техасский университет в Аустине), Лима (Департамент лингвистики и филологии главного Национального университета Сан Маркос), Мадрид (Высший совет по научным исследованиям), Мехико (Национальный автономный университет Мексики), Сан Хуан Пуэрто-Рико (Институт лингвистики Университета Пуэрто-Рико) и Сантьяго де Чили (Департамент испанского языка и литературы Чилийского университета).

Когда прекратил существование PILEI, проектом стала руководить Ассоциация лингвистики и филологии Латинской Америки (ALFAL). Лопе стал ее соучредителем на Первой латиноамериканской встрече по лингвистике и филологии в Винья дель Мар (1964) и вторым президентом – пост, который он занимал на протяжении 16 лет до 1987 г.

Описание проекта

Проблема, решить которую предполагалось по мере разработки Проекта культурной нормы – проекта масштабного и амбициозного, была связана с отсутствием общих исследований, в которых бы анализировались в общем виде, но глобально

все аспекты – фонетический, грамматический и лексический – основных разновидностей испанского языка. Поэтому главной целью и задачей Проекта было изучение городской речи основных испаноамериканских городов.

Вот как это было сформулировано в вышеупомянутом *Опроснике*:

... изучение средне-культурной (обычной) речи с референциями формального (тщательно продуманная речь) и неформального (спонтанная речь) поведения. [Исследование является] ... в основном синхронно – дескриптивным, поскольку будет включать только те диахронические наблюдения, которые проявятся при сопоставлении речи представителей различных поколений (Lope Blanch, 1977:7).

Доктор Лопе всегда держался того мнения, что нормированная, т.е. стандартная городская речь является самой важной и заслуживающей изучения, поскольку служит центром лингвистической / языковой иррадиации, откуда языковые феномены распространяются на остальную часть страны, а также является той разновидностью, в которой зачастую намечаются эволютивные тенденции языка. Кроме того, строгое, полное и детальное знание речи больших городов казалось Лопе очень важным по той причине, что эти большие городские концентрации представляют собой треть или четверть населения страны в целом.

Другим преимуществом знания этой нормы могло стать ее использование в качестве отправной точки при изучении региональных разновидностей, связанных с ней. Однако, кроме изучения разновидностей речи исключительно с лингвистическими и культурными целями, в самом широком смысле, Проект должен был принести пользу и в других аспектах филологической деятельности, поскольку точное знание основной языковой реальности участвующих наций предполагалось использовать для:

1) преподавания в начальной школе (базовое образование) каждой страны живого языка, присущего ей, а не чужих языковых норм;

2) преподавания испанского языка как второго языка в индейских общинах: проект помог бы решить проблему, какой испанский им преподавать;

3) преподавания общего испанского языка как второго языка иностранцам;

4) реализации исследовательских проектов по сравнительной – сопоставительной лингвистике.

Сбор информации

Документируемый материал должен был основываться на устной информации, записанной на магнитофонную пленку. Предполагалось проводить *Опросы*, используя один из 4 предусмотренных видов анкетирования:

1. Диалоги, направляемые анкетирующим, с одним или двумя информантами (40% документируемого материала);
2. Свободные диалоги между двумя информантами (40%);
3. Секретная запись спонтанных диалогов (10%);
4. Речь в формальных ситуациях (доклады, занятия, речи – 10%);

Планировалось записать не менее 400 часов разговоров и голоса не менее 600 информантов в каждом городе. Минимальная продолжительность записи опроса должна была равняться получасу. Информантами могли быть мужчины и женщины, в пропорциональном распределении примерно 50%.

Будут отображены представители трех поколений в соответствии со следующими распределением и пропорцией: i) Информанты в возрасте от двадцати пяти до тридцати пяти лет = 30%; ii) Информанты в возрасте от тридцати шести до пятидесяти лет = 45% и iii) Информанты в возрасте старше пятидесяти лет = 25%.

Информанты отбираются с учетом следующих социокультурных факторов: i) семейная среда, как родительская, так и супружеская; ii) образование, полученное как в результате регулярного обучения, так и асистематического; iii) профессия или занятие; iv) путешествия и другой культурный опыт. Кроме того, информанты должны отвечать следующим требованиям: i) родиться или жить в городе, являющимся предметом изучения, с пятилетнего возраста; ii) жить в нем в течение не менее трех четвертей своей жизни; iii) быть ребенком испаноговорящих родителей, рожденных желательным в том же городе; iv) получить начальное и последующее / высшее образование в том же городе (Lore Blanch, 1986: 99-100).

Работа над проектом

После тщательного планирования деятельности началась работа: изучение средней культурной речи в ее формальном и неформальном проявлениях в таких городах, как Буэнос-Айрес, Сантьяго де Чили, Мехико, Лима, Гавана, Каракас, Сан Хуан де Пуэрто Рико, Богота, Мадрид и Севилья. Позднее к проекту присоединились Ла Пас (Боливия), Лас Пальмас (Большие Канары), Кордова (Аргентина).

В Мексике Проект продвигался быстро и эффективно: в 1971 году уже существовали записи в количестве 420 часов и транскрипция их большей части. В Каракасе записали 240 часов. Записи культурной речи Гаваны были осуществлены в Майями при содействии и участии информантов – эмигрантов. Этим исследованием руководил Техасский университет в Аустине и количество часов записи составило 400. В Боготе и Мадриде были записаны 400 часов, предусмотренных в *Опроснике*. В середине семидесятых годов в Буэнос-Айресе было записано 200 часов, в Сантьяго де Чили – более 100 и в Пуэрто Рико – 90. В Севилье был разработан план изучения городской речи на разных уровнях (культурный, полукультурный, просторечный и низкий); в 1975 году существовало 50 часов записи культурной речи и несколько часов записей речи менее культурного уровня. В Лиме в 1985 году профессор Росио Караведо в одиночку занялась проведением записей и транскрипцией.

На протяжении последующих лет к Проекту присоединились другие города:

- профессор Ф. Сальвадор из университета Гранады занялся проведением записей и транскрипций культурной речи города Сан Хосе (Коста-Рика); в 1984 году у него было 72 часа магнитофонных записей и он начал их расшифровку;

- в Панаме, по причине трудностей как объективного, так и субъективного характера, было признано невозможным собрать 400 часов предусмотренных *Опросником* записей; было решено довольствоваться в целом 50 или 60 часами, из которых в 1984 году существовало 25 часов;

- в 1985 году к Проекту присоединился университет Ла Лагуна (Канарские острова), предлагая в качестве предмета исследования культурную языковую норму города Санта Крус де Ла Лагуна. В Проект также вошли Бразилия и Португалия с целью исследования португальской культурной речи, но этой части проекта мы не будем касаться, поскольку настоящая статья адресована испанистам.

Много времени прошло с первого заседания комиссии в Мадриде. На сегодняшний день опубликовано 568 статей, 43 книги и 60 диссертаций. 20% из них посвящены фонетике, 50% - морфосинтаксису (в основном - глаголу, местоимению, союзам) 30% - лексике (в основном – англицизм, лексические поля «одежда», «питание»). Но одна работа заслуживает особого внимания – это *Исследования испанского языка основных городов Америки*, опубликованная Институтом филологических исследований УНАМа в 1977 году. Она включает исследова-

ния результатов опросов, проведенных в Гаване (две статьи по фонетике и одна по лексике), Сан Хуане Пуэрто Рико (одна статья по лексике), Мехико (13 статей по морфосинтаксису и три по лексике), Каракасе (одна статья по лексике), Буэнос-Айресе (одна статья по фонетике и десять по морфосинтаксису) и Сантьяго де Чили (три статьи по морфосинтаксису). Эта книга представляла уже достаточное количество материала, чтобы начать общее описание испанского языка, которое предложил осуществить Лопе с самого начала проекта, поскольку можно было приступить к их сравнительному анализу, и, следовательно, прийти к каким-нибудь заключениям, пусть первичным и частным.

Другим важным достижением Проекта является публикация части записанного на магнитофон материала. На VII Конгрессе Ассоциации лингвистики и филологии Латинской Америки (ALFAL), проведенном в Санто Доминго в 1984 году, Лопе Бланч сказал: «Считаю, что наиболее важным и срочным является транскрипция и публикация материалов опросов, осуществленных в каждом городе, чтобы каждый исследователь, интересующийся Проектом или любой специалист в области американского испанского мог бы осуществлять исследования речи любого из этих городов – столиц испанского мира и, что еще более важно, сравнить языковые нормы этих городов, чтобы узнать, что нас объединяет и что разъединяет или является характерной особенностью» [Lope Blanch, 1986:183-184].

В Мексике было проведено также исследование разговорной / просторечной речи; в 1972 году были начаты записи, которые составляют сегодня примерно 100 часов, распределенных по трем типам опросов, как и записи по культурной речи, но включают меньше формальной речи. Материал был транскрибирован с большими трудностями и часть него опубликована в 1976 году под руководством Х.М. Лопе Бланча в рамках проекта по обмену записями интервью, чтобы все участвующие центры имели в своем распоряжении образцы речи, записанные в городах – участниках. Надо отметить однако, что по разным причинам – таможни, расстояния – до сих пор эта часть проекта до конца не осуществлена.

Кроме магнитофонных записей, которые были сделаны с целью служить основой для фонетического и морфосинтаксического анализов, Проект включал программу лексикографических исследований, которая должна была осуществляться на основе документации, собранной в результате анкетирования по *Опроснику*, подготовленного специально для этой цели (III том

Опросника). В Мехико с этой целью были проведены интервью с 25 информантами, принадлежащими к 3 поколениям и обоим полам, и в 1978 году опубликованы результаты. В Мадриде Хосе С. де Торрес Мартинес провел интервью с 16 информантами, также соблюдая распределение по поколениям и полу, рекомендованные *Опросником*, и опубликовал результаты в 1981.

Другие рабочие материалы, опубликованные на 2002 год:

- образцы речи: Сантьяго де Чили, Лима, Каракас, Богота, Мехико, Сан Хуан Пуэрто Рико, Мадрид, Лас Пальмас Большие Канары, Ла Пас (Боливия), Гранада, Буэнос-Айрес, Кордова (Аргентина). К 2008 г. добавились материалы Севильи и Гаваны.

- материалы по лексике: Сантьяго де Чили, Лима, Каракас, Богота, Мехико, Сан Хуан де Пуэрто Рико, Мадрид, Лас Пальмас (Большие Канары), Ла Пас, Гранада, Буэнос-Айрес, Кордова (Аргентина);

Можно сказать, что уже имеется достаточно данных, чтобы проводить сравнительные, общие и частные исследования по таким аспектам, как фонетика, грамматика или лексика отдельных разновидностей испанского языка.

Предпоследнее заседание по Проекту культурной нормы с участием Лопе Бланча было проведено в ноябре 2000 года в Университете Боливара в Сантьяго де Чили, последнее - 22 февраля 2002 года в университете Коста Рики в Сан Хосе. На них было принято решение формально закончить два совместных исследования, ведущихся странами – участницами Проекта: первое связано с союзами времени, второе – с причинными союзами, а также было решено начать в 2003 году новую работу – по деепричастиям, и провести дигитализацию (перезапись в цифровой формат) образцов речи, записанных на магнитофонную пленку.

В 2002 году Лопе Бланча не стало, тем не менее работа по Проекту успешно продолжается, подтверждение тому непрекращающиеся публикации и сбор материалов, а также пересмотр отдельных разделов *Опросника*, особенно касающихся научно-технической информации. Подводя итог научной деятельности Лопе Бланча, можно сказать, что его научные идеи позволили многим последующим исследователям заняться поиском методик исследования и описания реальности испанского языка во всем его разнообразии. Лопе открыл испанцам широкие горизонты для работы, которая несомненно превосходит продолжительность отдельной жизни, поэтому пятьдесят лет его неустанной работы

заслуживают быть описанными, изученными с позиций конструктивной критики и продолженными, как продолжает существовать и развиваться один из главных исследовательских проектов его жизни – Проект культурной нормы основных городов испанской Америки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Cuervo, R.J. “Apuntaciones críticas sobre el lenguaje bogotano”, en Obras, tomo I, parágrafo 900.
2. Encuestas léxicas del habla culta de Madrid, Madrid, CSIC, 1981, 737 pp.
3. El habla popular de la ciudad de México: Materiales para su estudio. Centro de Lingüística Hispánica, México, UNAM, 464 pp.
4. Лйхико del habla culta de México. México, Centro de Lingüística Hispánica, UNAM, 1978, 585 pp.
5. Lope Blanch, J.M. “La expresiyn temporal en Berceo”. // NRFH, X, México, 1956, pp. 36-41.
6. Lope Blanch, J.M. “Sobre el valor gramatical de las interjecciones” // Antología del Mexico City College, Мйхико, 1956, pp. 47-60
7. Lope Blanch, J.M. “El infinitivo temporal durante la Edad Media”. // NRFH, XI, México, 1957, pp. 285 - 312.
8. Lope Blanch, J.M. “Sobre el uso del pretérito en el español de México”. // Studia Philologica : Homenaje a Dámaso Alonso, Madrid, 1961, vol. II, pp. 373-385.
9. Lope Blanch, J.M. “Observaciones sobre la interjecciyn” // Indianoromanica, Lima, 1962, vol. I, pp. 19-25.
10. Lope Blanch, J.M. Vocabulario mexicano relativo a la muerte. México, UNAM, 1963, 185 pp.
11. Lope Blanch, J.M. “En torno a las vocales caedizas del español mexicano”. // NRFH, XVII, Мйхико, 1963, pp. 1-19.
12. Lope Blanch, J.M. Léxico indígena en el español de México, México, El Colegio de México, 1969, pp. 48-49.
13. Lope Blanch, J.M. “Dialectologна mexicana y sociolingüística”. // NRFH, XXIII, México, 1974, pp. 1-34.
14. Lope Blanch, J. M. Estudios sobre el español hablado en las principales ciudades de América. México, UNAM 1977, p. 7.
15. Lope Blanch, J.M. “La clbusula y el análisis del discurso”. // NRFH, XXVIII, 1979, pp. 1-29.
16. Lope Blanch, J.M. El habla de Diego Ordaz, Contribuciyn al estudio del español americano, México, UNAM, 1985, 231 pp.
17. Lope Blanch, J. M. El Estudio del español hablado culto. Historia de un proyecto. México, UNAM 1986, pp. 99-100.
18. Luna Traill, E.; Baez, G. Disquisiciones sobre filología hispánica, México, UNAM, 2004, 250 pp.
19. Robelo, C.A. Diccionario de aztequismos, Cuernavaca, Ediciones Fuente cultural, 1904, 548 pp.
20. Stempel, W.D. (eds.). Sprache una Geschichte; Festschrift für Harri Meier, Munich, Fink, 1971, pp. 305-312.
21. Wagner, M.L “El sufijo hispanoamericano –eco para denotar defectos físicos y morales”, NRFH, IV, núm. 2 (1950), pp. 105-114.

S. Iakovleva

FROM HISTORY OF THE MEXICAN LINGUISTICS: LOPE BLANCH AND THE PROJECT «COORDINATION STUDYING OF CULTURAL SPANISH NORM»

Abstract: The historiography of hispanic linguistics, in particular Mexican, is a subject practically not developed in Russian hispanic studies. In this article the scientific activity of one of Mexico’s greatest linguists of the XX century, M.J. Lope Blanch is examined, an analysis of some of his works is presented, as well the description in detail of one of his investigative projects - The project of the hispanic educated standard.

Key words: historiography of Mexican linguistics, scientific activity, M.J. Lope Blanch, The project of coordinated study of the Hispanic cultural norm